

Мультифазные драконы

ФАНТАСТИКА

Анатолий Нейтак

Научная система вырождается. Наше общество построено так, чтобы сохранять стабильность. Развитие науки разрушает стабильность общества. Поэтому система борется с наукой, и даже сама этого не замечает.

Павел Шумил. Долг перед видом

— Ты что делаешь?

— Ловлю мультифазных драконов.

— Зачем?

Я скопился на нее. Вроде не издевается, в глазах некий интерес. Ладно, будем объяснять.

— Знаешь, что такое фаза?

— Фазы бывают разные. Фазы луны, фазы колебаний, твердая фаза в жидкой фазе. Еще в геологии, кажется, что-то такое... А ты какими фазами занимаешься?

— «Phasis» в переводе — явление. Однофазные драконы в моей системе терминов — явления единичные. Настолько редкие, например, что вероятность наблюдения двух таких явлений в сходных условиях на протяжении какого-то разумного срока, ну, скажем, одного года, — меньше одного к миллиону. Есть другие однофазные драконы. Взрыв сверхновой — однофазный дракон: данная конкретная звезда может стать ей только один раз.

— Ага. Но звезд очень много, и для гигантской Галактики вроде нашей взрыв сверхновой становится мультифазным драконом.

— Не так. Превратить однофазных драконов в мультифазных статистика не может. Однофазных драконов те же физики изучают давно и успешно. Именно потому, что занимают однофазными драконами в системах, включающих множество сходных элементов. Легко засечь появление сверхновой в системе из сотен миллиардов звезд. Легко засечь поглощение нейтрино веществом, когда имеешь дело с кубическим километром прозрачной жидкости. И так далее. А вот с мультифазными драконами заранее ничего сказать нельзя.

— Так. Мультифазный дракон — это редкое явление в единичной системе?

— Именно. Причем такое, что нельзя вычислить вероятность его осуществления. Либо неприменимы статистические законы, либо система незамкнута, либо мешает еще что-нибудь... этакое. Универсальные гении — мультифазные драконы. Привидения — чем бы они на самом деле ни были — тоже мультифазные драконы. Как, собственно, драконы: они могли бы быть, но наблюдать их почему-то не удается. Или наблюдателю потом не верят.

— Вот оно что...

— Оно. А теперь не мешай.

Молчание было недолгим.

— А все-таки, что ты сейчас делаешь? То есть — как ты ловишь своих драконов?

— На приманку. Наживляю, забрасываю, жду.

— Не будь таким букой! Трудно объяснить по-человечески?

— А я не человек. Я — дракон. Я мог бы быть, но наблюдать меня нельзя, пока не совпали фазы.

Ушла. Ну и пусть.

Вечно забываю повесить табличку у входа: «Не шуметь. Не входить. Идет мысленный эксперимент». Неужели трудно оставить меня в покое, когда я занят? Пусть ерундой (по авторитетному мнению товарищей, которым иметь авторитет положено по должности). Но я — занят! Кому приятно, когда отрываю от дела? Лично я ничего приятного в этом не нахожу.

В другой раз я столкнулся с ней в столовой. В буквальном смысле слова — столкнулся, чуть компот не разлил.

— Ой!

— Ничего. Я сам виноват.

— Нет-нет, это я не смотрела, куда иду.

— Я тоже не смотрел. Так что не меньше пятидесяти процентов ответственности — мои.

Пока расшаркивались, оказались за одним столиком.

— Как там ваши драконы?

— Драконы — хорошо. С фиксацией хуже. Иногда меня подмывает написать статью о природных явлениях, принципиально наблюдаемых только при условии частичной либо полной неисправности приборов наблюдения.

— Я так и не поняла: вы на самом деле ловили своих драконов?

— Да. Неоднократно. Но ссылаться на меня не надо, потому что подтверждений нет. Хорошо было в прежние времена охотникам на драконов. Завидую! Кругом все достаточно непостижимое. Для веры в существование любой экзотической твари совсем не обязательно было показывать гостям мумифицированную голову на почетном месте в зале трофеев. Довольно нескольких тостов и вдохновенного рассказа. А теперь печальная истина такова, что, если показать авторитетной комиссии означенную голову, половина скажет: «Это не дракон, это варан-мутант!» — а другая половина возопит: «Мистификация!» Что дальше? Авторитетная комиссия будет требовать от смущенного драконоборца координаты долины, где драконы собираются в новолуние и творят свои запретные обряды. И охотник будет уверять комиссию, что если даже показать любопытствующим тайное место, то драконов там уже не увидеть никому и никогда, потому что они не придут в оскверненную долину. Но тщетно будет...

— Эй, крошка, тебе не надоело снимать лапшу с ушей?

— Что ты нашла в этом зануде?

Стаду дубоцефалов за соседним столиком было весело. Мне — нет. Не дожидаясь третьей реплики, моя знакомая встала и удалилась. А я остался в обществе остывшего супа и чужого жизнерадостного гогота.

Неаппетитная приправа, что ни говори.

Для кого-то вторая встреча еще не представляет закономерности, но для ловца мультифазных драконов два события од-

ного класса — уже повод для радости. В свободную минуту я не поленился влезть в общую сеть базы и открыть «визитку» интересующей меня особы.

Так-с. Имя — ничего, красивое: Лайнара. Родилась-училась-стажировалась... Стоп! Что это за наука — софоника? Никогда не слышал. (А слышал я немало.) Правда, науки в наше время плодятся хуже зилийских ящериц. Прилюдно высморкаться — наука. Наблюдать за скоростью осаждения «холодных» волн — наука. Считать стекающие по стеклу капли — тоже наука, однако. Но софоника?.. Смотрим ссылки. Такие есть, но почти все закрыты личным ключом Лайнары. Хакер же из меня, говоря без лести, хреновенький. Немногие оставшиеся вектора ссылок уводят в Интернет. Для мелкой и узкой локальной сети нашей базы — картина типичная. У нас многие запросы выводят к тупикам оборванных ссылок. А моя квота на глобальный поиск не так велика, чтобы я мог часто удовлетворять праздное любопытство. Еще один минус нашей локалки — малое сечение ячейки Квантум Ноль. Очень малое. Как у артерии, с рождения пораженной атеросклерозом.

Если подвести черту, слово «софоника» по-прежнему мне ничего не говорит. Не говорит? Вру. Если такая наука существует, то моя некрасавица по имени Лайнара похожа на меня. По крайней мере, в одном: она — тоже единственный представитель своего направления среди сплоченной популяции, из которой процентов девяносто пять составляют шумные самоуверенные адепты старых и устоявшихся наук. Мы с Лайнарой в меньшинстве.

Как известно, брать числом меньшинство не может. Если оно хочет выжить, ему надо брать сплоченностью. Я хочу выжить? Да.

Кроме того, надо ставить контрольный эксперимент.

Какое там у нее рабочее расписание?..

Отдельного рабочего помещения Лайнара, в отличие от меня, не имела. Видимо, доля мысленных экспериментов при ее специализации была еще больше. Либо (менее приятный вариант) для ее работы вообще не нужны специальные приборы. Я знаю некоторых исследователей, от просто библиотечарей до мнемоников и нексиалистов, которые девяносто девять процентов своего времени заняты открытием хорошо забытого старого. Знание, которым цивилизация уже располагает, но которое либо вовсе не используется, либо используется только в пределах «малых групп». Для таких людей главный и почти единственный инструмент познания — подключенный к Сети переносной терминал. Их работа нужна и важна, но все-таки это не то...

Лайнару я нашел в терминальном зале, в очереди на услуги Квантум Ноль. Я и сам частенько бывал здесь, чтобы узнать новости той «малой группы», к которой имеем честь принадлежать мы, ловцы драконов. Действительно, малой: нас меньше, чем освоенных планет.

Взглянув на широкий экран через плечо Лайнары, я увидел три открытых окна с тремя разными текстами. В первом опознал учебник по матстатистике, во втором — нечто по психологии, а чего касаются странно нотируемые формулы третьего текста, понять не успел. Лайнара обернулась, одаря меня не слишком любезным взглядом человека, оторванного от дел.

— Можно вопрос? — говорю.

— Можно.

— Чем занимается софоника?

Нелюбезности как не бывало. Лицо некрасавицы осветилось.

— А! Это наука о разуме... одна из многих. В некотором смысле ответвление психологии, в некотором смысле — ксенологии, но не то и не это.

— А что же именно?

— Ну, если не влезать в детали...

Терминал Лайнары мягко зазвенел, и она мгновенно потеряла ко мне всякий интерес. Как я уже говорил, сечение нашей ячейки Квантум Ноль невелико, и кто не успел, тот опоздал. В Интернет поработать хочется всем. Я тихо удалился. Контрольный эксперимент поставлен. Можно ли считать его удачным?

Интуиция шептала: да, можно.

Спустя три недели я ей уже почти не верил. Да что не верил — почти забыл о девушке Лайнаре и обо всем с ней связанном. Один из моих драконов упорно водил перед моим носом кончиком хвоста, но при этом удалялся с такой же скоростью, с какой я к нему подкрадывался. Дразнил, паршивец. Издевался. Что я только не перепробовал! Даже поставил второй генератор случайных чисел на блок питания. Куда там! Только тот хвост и видел.

Тут-то Лайнара и нарисовалась. Более неподходящего момента не представить, ибо я как раз повествовал эфиру, как меня радует созерцание хвоста. И при этом был слишком зол, чтобы подвергать песнь своей души цензуре. Девушка покраснела аж до пят и пролепетала в перерыве между фразами:

— Я зайду попозже?

Когда я опомнился, рядом ее уже не было.

База — та же деревня. Иногда живущие на ней оказываются в одном и том же коридоре в одно и то же время просто случайно. Вот и мы с Лайнарой встретились без всякого плана. Притом в таком месте, какое разумному существу пришло бы на ум в последнюю очередь. В полугерметичных служебных отсеках рядом с вакуум-причалами. Что она там делала, да еще в антирадиационном скафе — бог весть. Я же волок переносной холодильник с жидким гелием, как визаррские пращурсы свою законную охотничью добычу: ручками. У ремонтников как раз случился какой-то не то малый аврал, не то малый затык — но как ни назови, а свободного экзоскелета для тяжелых работ на мою долю не осталось.

Охотники на мультифазных драконов такие ситуации обозначают не маркером «закон бутерброда», а маркером «закон века». Звучит так: «Если есть явления, наблюдаемые при разных условиях, то найдется класс явлений, наблюдаемый только в моменты, когда веки всех присутствующих закрыты». Следствие: гляди вполглаза. Наверняка мои драконы, сволочи, отплясывали в накопителях именно сейчас, когда я волок клятый холодильник и не мог настроить сенсорные блоки.

Это я к тому, что с Лайнарой мы не обменялись и словом. Ну встретились и встретились. Поглядели друг на друга. Разошлись.

Бывает.

— Привет. Я поставила научный эксперимент.

— А... здравствуй. Какой эксперимент?

— Я перестала питаться регулярно, как нормальные люди. Знаешь, в твоей теории мультифазных драконов что-то есть, это точно. Пока я ходила в столовую по четкому расписанию, тебя в ней не встречала. А теперь — вот.

Я глянул на часы: четыре ночи.

— М-да. Именно.

Глаза у Лайнары — розовые, как пальчики богини зари. Да и по мне наверняка было видно, что последние сорок пять часов я провел на ногах. И столовую забежал только потому, что не ел еще дольше.

— Давай покончим с этим.

— Извини, я плохо соображаю сейчас. Говори, пожалуйста, яснее.

— Я хотела сказать — давай назначим встречу, как положено. Завтра... то есть уже сегодня. Здесь. В восемнадцать ноль-ноль.

— Хорошая идея. Давай.

Идея казалась действительно хорошей. Но проверки практикой не выдержала. Как и многие другие перспективные идеи.

Лайнара не пришла. И на следующий день тоже. И на третий.

Как выяснилось позже, врачи нашли у нее что-то вирусное и положили в карантин на неделю.

Спустя три месяца мы столкнулись в месте еще более невероятном, чем вакуум-причалы нашей базы. Конкретно — в зале ожидания Поланиса-Орбитального.

— Лайнара?

— Жиль?

— Что ты тут делаешь?

— Возвращаюсь на базу. А ты?

— Жду двухчасового шаттла до планеты. У меня отпуск.

Мы посмотрели друг на друга. И целых сорок пять минут до рейсовика, на котором ей предстояло лететь, болтали, как подростки, о чем подвернется. Но я уже начал прозревать страшную истину.

Да-да. Именно истину и именно страшную.

Мультифазные драконы со своими уловками многому меня научили.

Вернувшись из отпуска, я решил нарушить неписаное соглашение: пошел в блок, где жила Лайнара. Но не тут-то было: сквозь дверь откликнулся крайне недовольный заспанный баритон. Нет, никакой Лайнары он не знает. Нет, он занял эту комнату недавно. Еще вопросы? Нет вопросов.

В терминальном зале Лайнары не было. Не было в столовой. Не было в... Да в общем нигде, куда бы я ни заглядывал. Даже у медиков, к которым зашел скрестя пальцы и в последнюю очередь, о ее местонахождении не знали ничего. Тогда я нарушил еще одно неписаное соглашение и отправил ей записку по сетевой почте — до востребования — и вернулся к мультифазным драконам.

Дело не клеилось. На этот раз потому, что мои мысли витали вокруг письма, а вовсе не вокруг идущих экспериментов.

Потом мне снова понадобился жидкий гелий. Я ходил за ним целых четыре часа и по возвращении нашел на столе записку:

«Не могу больше ждать, убегаю. В ближайшие двенадцать суток меня не ищи: на базе меня не будет. Хотела попрощаться, но не вышло. Судьба, под хвост ее коленом!

Может, пора что-то сделать с нашими фазами? Лайнара».

Может, и пора, подумал я мрачно. А как?

Известно, что наблюдатель и наблюдаемое явление представляют собой единую систему. При ловле драконов особенно важно помнить об этом, поскольку — и это не совсем фольклор — драконы имеют привычку являться в самый неподходящий момент. В последнее время драконы в моих накопителях стали гостить чуть ли не по расписанию, но легче

ФАНТАСТИКА

мне от этого не было: ведь я думал не о них. Я ждал, когда истекнут двенадцать дней, тосковал, скучал и ходил немного сонный. Нельзя объяснить иначе как сонливостью ту глупость, после которой я очнулся в бледно-зеленой палате на анатомической койке.

— Пришел в сознание? Очень хорошо. Жиль Вебер, вам говорили, что большие мальчики не хватают руками неизолированные провода под током?

— А?

— И не надо ссылаться на амнезию, не поможет. Вы живете и работаете на космобазе, имеете дело со сложными приборами. Значит, должны были усвоить соответствующий курс техники безопасности.

— Я усвоил. Это все второй генератор случайных чисел.

— Так. У пациента бред.

— Никакой не бред! — возмутился я. Но потом сник. Я ведь не помнил точно, один генератор случайных чисел я отключил или оба. Отшибло начисто...

Тогда я принялся старательно вспоминать, что помню, а что нет. Ужасное занятие, никогда и никому подобного не пожелаю. Многие психопаты, наверно, начинали именно так.

На мое самокопание к тому же накладывалась общая слабость. Исколотые анальгетиками руки казались похожими на обтянутые размякшей кожей сардельки. И еще донимала мерзкая дрожь где-то в районе спины. Как нервный тик, только хуже. В общем, ничего веселого.

— Доктор, — попросил я, — можно мне снотворного?

Полчаса уламывал. Уломал. Отрубился.

А когда очнулся снова, мне жизнерадостным тоном сообщили, что меня приходила проведать девушка. Черноволосая такая, довольно милая. Беспokoилась. Не невеста, слушаем?

В ответ я мрачно попросил еще снотворного.

Но мне, конечно, не дали.

Очередная встреча с Лайнарой оказалась на удивление мирной и спокойной. Она снова пришла ко мне, болезному, и мы снова болтали, куда язык выведет, но не касаясь ни драконов, ни софоники. Тили-тили-тесто... Я поймал себя на том, что окончательно и бесповоротно лишился способности думать о моей некрасавице без нежности. И даже — как о некрасавице. Когда по ходу разговора ее лицо начинало светиться радостью, или внезапным пониманием, или той же нежностью...

Не может быть некрасивой женщина, лицо которой светится при тебе и для тебя. Научный факт. Можете меня цитировать.

Мы поговорили, как нормальные люди, и, как нормальные же, назначили новое свидание. На завтра.

Лайнара пришла, сдержав обещание. И мы снова заболтались... вот только языки вывели нас на те самые темы.

Было это примерно так:

— Что ты делала на Поланисе?

ФАНТАСТИКА

— На Поланисе — ничего. Транзитный рейс с пересадками. Я вообще-то с Гукка летела.

— А на Гукке?

— Там у меня друзья. Софонисты.

— А-а-а, ну да. Это у тебя в визитке есть. Совсем забыл. И ведь я до сих пор не знаю, чем твои софонисты занимаются.

— Много чем. Вообще, это направление возникло лет тридцать назад, когда один мэтр, выйдя в отставку, решил посмотреть на некоторые психологические проблемы сквозь призму отработанных методов ксенологии. Может, и до него пытались, но не получалось. И у него не получалось сперва. Пока он не перелопатил методику, не вывернул при помощи пары ушлых аспирантов — кибернетика и программера — систему привычных психотестов и не понял, что тихой сапой создал новую науку. В общем-то мне сдается, что софонисты занимаются примерно тем же, что и ты, только в другой области приложения. Мы изучаем даже не разум как таковой, а разум как источник явлений, свойственных только ему.

— А психологи?

Лайнара поморщилась. Не у одного меня деятели традиционной науки натерли на мозгах мозоль.

— Это совершенно не то. Как бы объяснить?.. Психологи изучают память — но памятью обладают все сложные организмы. Изучают реакции, но реакции свойственны даже амебам. Изучают инстинкты... ну, тут тоже все понятно. А вот такая вещь, как интеллектуальное вдохновение — моя область специализации, между прочим, — для психологов остается в лучшем случае предметом псевдофилософских рассуждений. Их интересуют массовые явления и общие закономерности. А вдохновение, одна из вещей, которые выделяют потенциально разумных существ, психологов не волнует. Парадокс! Изучая преимущественно то, что нами унаследовано от животных, они...

И тут в боксе погас свет.

Если вы принадлежите к большинству, что родилось и живет на планетах, то вы, наверно, не представляете, как это было жутко. В боксах медицинского блока, предназначенных для космоса, а не для планет с линейным климатом, используется техника с такой степенью надежности, что вероятность ее самопроизвольного отказа равна единице, деленной на число Авогадро. Если на борту все рухнет и пылает, если в базах данных обнаружился злобный вирус, если экипаж поразил скоротечная пирвейская чума или все это случилось одновременно — даже тогда в медблоке можно быть спокойным. Как в бомбоубежище во время града.

Но свет погас. Без каких-то пиротехнических эффектов. И от этого было еще страшнее!

— Жиль, я боюсь.

— Я тоже.

— Почему с нами вечно случается что-то такое? Именно с нами?

— Не знаю. Но...

— Да? Ты что смеешься?

— Глупости... Я подумал, что даже не могу тебя обнять: у меня руки обколоты обезболивающим. Сардельки бесчувственные.

— Ну и наплевать. Я тогда сама тебя обниму, вот так. Хорошо?

— Да...

Некоторое время Лайнара молчала.

— Почему ты сменил тему?

— Не бери в голову.

— Слушай, я ведь тоже исследователь. Я не отстану.

— Да уж вижу... Боюсь я, сказал ведь. Только сейчас мне пришло в голову, что и в самом деле...

— Ну?

— Старая-старая проблема. Психологи, говоришь, не изучают вдохновение. Бяки, не ученые. А может, у них есть причины? Может, не все такие упрямые, как мы с тобой, не все готовы ловить рыбку в мутной воде, даже если ее там нет? Подумала ли ты, что будет, если ты точно — понимаешь, точно! — установишь, откуда в нас берется вдохновение, что это вообще такое и как его вызывать? Это ведь будет пострашнее любой бомбы, милая! А что до меня... Если я поймаю хоть одного дракона в условиях полной... Нет, об этом вслух нельзя.

— Жиль...

— У тебя есть методики для стимуляции вдохновения?

— Да. Я на себе испытывала, но они еще не совсем...

— А у меня, если называть вещи своими именами, есть методики управления случайностью. Которые тоже «не совсем». Ты понимаешь, что произойдет, если мы вздумаем свести их воедино? И если у нас вдобавок что-то получится? Ведь вдохновение — это тоже случайный процесс! Ты понимаешь, что в этом случае нам светит? Ты понимаешь, Лайнара?

— Я боюсь, — прошептала она.

— И я тоже. Поэтому и пытался увести разговор в сторону. Есть законы мира сего, которые не хотят, чтобы их открыли. Ты готова встать против законов природы? Ты действительно хочешь этого?

Помолчав, она тихо сказала:

— Хочу.

И тогда я улыбнулся, хотя знал, что в темноте моя улыбка не видна.

— Вот и я тоже. Альянс?

— Альянс! И да не разлучит нас смерть.

Но жить долго и счастливо у нас с Лайнарой не получилось. Просто не могло получиться. Это было ясно с самого начала. Когда двое людей сознательно предпочитают стабильности перемены...

Впрочем, как было сказано в ином месте, это уже совсем другая история.